

На правах рукописи

Ларин Сергей Алексеевич

**Семантическая структура романа «Обломов»
в контексте творчества И. А. Гончарова**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2008

Работа выполнена на кафедре русской литературы
Воронежского государственного университета

Научные руководители – доктор филологических наук,
профессор Борис Тимофеевич Удолов,
доктор филологических наук,
профессор Андрей Анатольевич Фаустов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Елена Наумовна Пенская,

кандидат филологических наук,
доцент Елена Александровна Иваньшина

Ведущая организация – Государственная академия славянской культуры

Защита состоится 26 ноября 2008 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.038.14 в Воронежском государственном
университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, аудитория 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского
государственного университета.

Автореферат разослан «23» октября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514491

Ученый секретарь
диссертационного совета

 — доц. О. А. Бердникова

Являясь наиболее изученным произведением И. А. Гончарова, роман «Обломов» до сих пор продолжает вызывать неизменный интерес исследователей. Это во многом связано с тем, что в сфере внимания ученых все чаще оказываются элементы художественного мира писателя, долгое время находившиеся на периферии науки о Гончарове.

Особое место среди них занимает «зооморфная» образность, присутствие которой можно обнаружить в большинстве произведений романиста. До сих пор, однако, она не получила систематического описания, а кроме того, хотя в некоторых работах можно найти наблюдения и замечания, касающиеся соответствующей проблематики, сделаны они в основном на материале романа «Обрыв».

Впервые вопрос о функции «зооморфной» символики в творчестве Гончарова поставил в своей монографии В. И. Мельник, который объясняет «нехарактерное для более ранних гончаровских произведений обилие анималистических образов» в «Обрыве» полемикой писателя «...с позитивистами в вопросе о том, является ли человек только “животным”, или в нем есть и “душа”...»¹.

В более поздних исследованиях материалом по-прежнему выступал по большей части «Обрыв», а в сфере внимания оказывались четыре «персонажа»: волк, змея, медведь, кошка².

По нашему мнению, ключевыми для всего творчества Гончарова являются два «зооморфных» образа – змея и волк–собака (с которыми активно взаимодействуют и другие представители гончаровской «фауны» – медведь, кошка, овца и др.).

Другой принципиальной для понимания Гончарова и при этом столь же недостаточно изученной темой является «гастрономическая» образность в «Обломове».

Самые разные критики и исследователи по-своему обращали внимание на подобную образность преимущественно в связи с укладом жизни в Обломове (Д. С. Мережковский, М. М. Бахтин, Ю. М. Лошич, М. В. Отрадин, П. Е. Бухаркин, Е. И. Ляпушкина). Лишь относительно недавно появились работы, авторы которых предпринимая попытку более целостного изучения данной проблемы³. Однако при этом в большинстве случаев за рамками исследования

¹ Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова / В. И. Мельник. – М., 1991. – С. 87.

² См., напр.: Фаустов А. А. Очерки по характерологии русской литературы / А. А. Фаустов, С. В. Савинков. – Воронеж, 1998. – С. 115–123; Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») / Л. С. Гейро // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. – М., 2000. – Т. 102. – С. 159–161; Уба Е. В. Поэтика имени в романной трилогии И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Уба. – Ульяновск, 2005. – С. 140–145.

³ См.: Гузь Н. А. Художественная система романов И. А. Гончарова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Гузь. – М., 2001 – С. 9; Филиппова Е. В. Функционирование топоса «еда» в романе И. А. Гончарова «Обломов» / Е. В. Филиппова // Принципы и методы исследования в филологии : конец 20 в. : Научно-методический семинар «Textus». – СПб. ; Ставрополь, 2001. – Вып. 6. – С. 240–244; Краснова Е. В. Специфика повествовательной структуры

остается вопрос о функциях наиболее важных, часто встречающихся образов, связанных с темой еды. Исключение составляет, пожалуй, лишь работа И. Ониси, в которой рассматриваются основные напитки, упоминаемые в романе «Обломов».

Наконец, еще одним доминантным элементом семантической структуры «Обломова» является его антропонимика.

Практически нет ни одной крупной работы, в которой имя заглавного героя не увязывалось бы с местом и ролью в произведении его обладателя⁴. Однако лишь в последнее время появилось исследование Е. В. Убы, специально посвященное именам в романной трилогии Гончарова, которое можно считать своего рода итогом, обобщением предыдущего опыта⁵. Но, к сожалению, и здесь, несмотря на значительный по объему привлекаемый материал и множество проницательных наблюдений, есть то, что характерно для такого рода разысканий. Выводы делаются на основании одного из компонентов имени, в силу чего за рамками исследования остается вопрос о соотношении этих компонентов, их взаимодействии (в том числе при переходе от одного персонажа к другому) и степени влияния на характер героя.

В качестве отправного пункта для анализа гончаровской антропонимики выбраны имена главных героинь романа, играющих определяющую роль в процессе развертывания текста и означивающих граничные точки в истории Обломова. Обращение прежде всего к «женской» антропонимике призвано обнажить внутреннюю логику связи между сферой имени и сферой судьбы.

Актуальность диссертации обусловлена все возрастающим интересом к малоизученным аспектам художественного мира Гончарова, к авторской художественной семантике.

Научная новизна работы состоит в том, что элементы семантической структуры романа «Обломов» – «анималистические», «гастрономические» (и им сопутствующие) образы, а также антропонимы – впервые рассматриваются в их единстве и в контексте всего творчества Гончарова.

Объектом и материалом исследования является роман «Обломов» с учетом всех его редакций, а также другие произведения писателя.

Предметом диссертации выступает семантическая структура романа «Обломов».

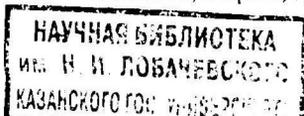
Цель нашей работы – исследовать функционирование ряда ключевых элементов, образующих семантическую структуру романа «Обломов».

Эта цель предполагает решение следующих основных задач:

романа И. А. Гончарова «Обломов»: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Краснова. – Псков, 2003. – С. 131–153.

⁴ См., напр.: Лошиц Ю. М. И. А. Гончаров / Ю. М. Лошиц. – М., 2004. – С. 170–171; Тирген П. Обломов как человек-обломок: (к постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») / П. Тирген // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 18–33; Фаустов А. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов»: художественная структура и концепция человека: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Фаустов. – Тарту, 1990. – С. 105–106.

⁵ Уба Е. В. Поэтика имени в романной трилогии И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Уба. – Ульяновск, 2005. – 242 с.

- 1) определить функцию «зооморфной» символики романа «Обломов»;
- 2) рассмотреть основные «гастрономические» образы-мотивы романа «Обломов»;
- 3) выявить принципы формирования антропонимической системы романа «Обломов»; определить семантический ореол имен главных героинь;
- 4) проследить особенности функционирования указанных элементов семантической структуры в контексте творчества писателя.

Методологической базой работы послужили философские, литературоведческие и фольклорно-этнографические разыскания таких ученых, как М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский, О. М. Фрейденберг, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, А. В. Гура, Н. И. Толстой, С. М. Толстая и др.

Теоретическая значимость диссертации заключается в дальнейшей разработке принципов «микроанализа» текста как пути постижения авторской личности, в определении на материале гончаровского творчества функции различных типов образности в художественном тексте, а также в выявлении основных способов организации антропонимической системы.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть применены в разработке вузовского курса истории русской литературы XIX века, в чтении спецкурсов по творчеству Гончарова.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выявленный предметный характер образно-смысловой ткани романа (с ее «анималистической» и «гастрономической» канвой) позволяет перевести в русло филологической интерпретации давний и по-разному формулировавшийся взгляд на Гончарова как на писателя, который особое внимание уделял изображению материальной среды существования героев, погружал читателя в мифопоэтическую атмосферу.

2. Наличие повторяющихся деталей, лейтмотивов, которое не раз отмечалось в качестве приметы повествовательной техники Гончарова (и в особенности того, как эта техника реализуется в «Обломове»), может быть прослежено на «микроскопическом» уровне текста и обладает значительно более разветвленной и дифференцированной природой, чем это представлялось.

3. Ключевые элементы семантической организации романа («зменный», «алкогольный» и др.) сопровождают разворачивание событий, актуализируются в поворотных точках сюжета и связаны, в первую очередь, с реализацией властных отношений между героями. «Змеиная» метафорика в романе (а во многом и у Гончарова вообще) противопоставляется «собачьей / волчьей» прежде всего по оси изменчивость – неизменность; «собачья» метафорика противопоставляется «волчьей» и «змеиной» по оси слабость – сила.

4. В меню любимых напитков, фигурирующих в романе и в гончаровском творчестве в целом, алкоголь, с одной стороны, запускает механизм разрушения, а с другой – соотносится с творческой стихией; квас символизирует состояние стабильности (в противоположных ее оценочных

планах – как укорененности в традиции и как воплощения застоя); молоко ассоциируется прежде всего с переживанием покоя и счастья.

5. Большинство элементов образно-смысловой (и антропонимической в частности) структуры романа отличается семантической оборачиваемостью, имеет подвижную референцию и тем самым, перемещаясь из зоны одного персонажа в зону другого, смещает, корректирует ту антитетичную логику, которая была свойственна композиционному мышлению Гончарова. Имена центральных героинь романа, будучи противопоставлены, в другом измерении указывают на внутреннее сродство их обладательниц, чье влияние на «сюжет» заглавного героя оказывается, в конечном счете, одинаково негативным.

6. Семантическая структура «Обломова», охватывая весь его текст, разомкнута по направлению к гончаровскому творчеству в целом и многими нитями переплетена с произведениями писателя, относящимися к самым разным жанрам.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русской литературы Воронежского государственного университета. Ее основные положения докладывались на региональных и международных научных конференциях (Воронеж, 2004, 2005, 2006; Тарту, 2004, 2005; Киев, 2005; Волгоград, 2006; Ульяновск, 2006; Казань, 2008), а также на III летней школе на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы (пос. Серово, Ленинградская область, 2006). По теме диссертации опубликовано 8 работ.

Структура исследования. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка литературы, включающего 267 наименований. Общий объем диссертации составляет 190 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, анализируется отечественная и зарубежная литература о Гончарове, формулируются основные положения, выносимые на защиту. (Оговоримся, что при изложении содержания нашей работы мы сосредоточим внимание преимущественно на романе «Обломов» и по необходимости сведем к минимуму примеры из других произведений писателя.)

В первой главе «Анималистическая семантика» рассматриваются «зооморфные» образы романа «Обломов».

1.1. «Змеиный» комплекс

Два героя романа «Обломов» наделяются Гончаровым «змеиными» атрибутами.

В VIII главе 1-й части в ответ на настойчивость Захара, побуждающего обеспокоиться поиском новой квартиры, Илья Ильич сначала называет своего слугу *ядовитым* человеком, который *отравляет* ему жизнь, а потом *змеей*, пригретой им на груди. Затем, вспоминая подробности разговора со слугой, Обломов постепенно приходит к идее, совсем противоположной той, которую он *дал* Захару *о другом*. Так герой, наделенный «змеиными» чертами, становится причиной рефлексии Обломова, выступает «катализатором»

сюжетных движений. Уже в первой сцене изменения, происходящие в сознании главного героя и в сюжете романа, оказываются связаны с мотивом яда и образом змеи – основными элементами, участвующими в формировании своего рода «змеиного» комплекса, присутствующего в художественной структуре «Обломова».

Наиболее концентрированно «змеиная» символика сквозит в образе Ольги Ильинской. Это, очевидно, связано с той ролью, которую она играет в сюжете: Ольга оказывает влияние на жизнь обоих главных героев.

Присутствие «змеиных» черт можно обнаружить во внешности Ильинской. В VIII главе 4-й части романа Штольц сравнивает Ольгу со змеей, перечисляя главные элементы «змеиного» комплекса. Вслед за этим Штольц в известной апологии Обломова раскрывает семантику *отравления* как изменения, «переворачивания».

Так посредством общих атрибутов происходит сближение, скрытое сопоставление Захара и Ольги, оказывающих на жизнь главного героя романа наибольшее воздействие. И если свои требования Ольга выражает достаточно открыто, то Захар влияет на барина как бы невзначай, неявно, однако от этого не менее интенсивно. Показательны эпизоды, в которых Захару достаточно успешно удается не только противостоять «нападениям» своего барина, но и влиять на принимаемые им решения, «корректировать» его сюжетное поведение. Неслучайно Захар наделен в романе особыми «лингвистическими» полномочиями – способностью распознавать «жалкие слова», а его определением *барин* воспользуется Штольц для обозначения статуса Обломова. В конечном счете, слуга вообще оказывается символом, воплощением того образа жизни, который поглотит и приведет к гибели его барина.

Связь «ядовитости» с мотивом поглощения, присвоения, прикрепленным к Захару (который отличался *прожорливостью*, любил *выпить с приятелями на барский счет*), откликнется в любовном сюжете «Обломова». Ольга Ильинская – обладательница ярко выраженных «змеиных» черт – будет строить свои отношения с Ильей Ильичом на основе овладения, подчинения.

Если обратиться к композиции «Обломова», то можно заметить, что элементы «змеиного» комплекса фигурируют практически во всех значимых эпизодах романа: «письмо Обломова» (ч. 2, гл. X), «лунатизм любви» (ч. 2, гл. XI), сцена расставания героев (ч. 3, гл. XI). И каждый такой эпизод отмечен изменениями в развитии характера героя и/или сюжета.

Уподобление змее или присутствие каких-либо «змеиных» атрибутов в облике героев Гончарова говорит об их «подвижной», изменчивой природе. Для Ольги это, в первую очередь, знак взросления, вступления в новую сферу жизни, а в сюжетном плане еще и смена сердечных предпочтений (показательны «любовные» сюжеты других «героинь-змей» Гончарова – Наденьки Любецкой, Веры, Марины); для Захара – указание на такого рода способность влиять на ситуацию, «приспосабливаться», под которой скрываются неизменность, «неподвижность». Но в некотором смысле и Ольга претерпевает лишь «внешние», поверхностные изменения. Неслучайно даже

Штольцу достаточно сложно справиться с проявлениями «необузданности» ее характера.

Своеобразным символом изменчивости, обмана в ранних текстах Гончарова – «Отравители» (перевод из Э. Сю) и «Нимфодора Ивановна» (при спорной атрибуции последней) – выступает образ цветка-змеи.

В «Обломове» мотив *цветов* сопровождает *поэму любви* заглавного героя и Ольги Ильинской. И наиболее концентрированно «цветочные» мотивы связаны с образом героини. Она будет *расцветать* вместе с чувством к Обломову и *увядать* в кризисные моменты развития их отношений. Однако прямо уподобляется цветку Ольга два раза. В обоих случаях *цветок* появляется в контексте «двусмысленности», лукавства, обмана, а образ главной героини лишается ореола бесхитростности и «невинности». Неслучайно в романе можно наблюдать колебания в оценке «искренности» Ольги. Если Обломов, сомневаясь, все же откажется от обвинения Ильинской в коварстве, хитрости, то повествователь, напротив, вполне определенно заметит, что она была *не без лукавства*.

В отличие от любовной линии Обломов–Ольга, взаимоотношения Илья Ильича и Пшеницыной принципиально лишены «романтического» ореола, одним из символов которого выступают цветы. Поэтому закономерно, что на вопрос Обломова, любит ли она цветы, Агафья Матвеевна ответит отрицательно.

Цветку уподобляется и главный герой романа. Помимо указания на включенность Обломова в природно-биологический цикл расцветания–увядания, данное сравнение актуализирует мотив жертвенности, сопутствующий главному герою. Илья Ильич, подобно цветку, распускается на короткий момент времени и умирает, едва успев принести плод. Можно сказать, что Обломов является в романе «коллективной» жертвой. Илья Ильич – жертва родительского воспитания, слуги Захара, жертва амбициозной Ольги, мошенников Тарантьева и Мухоярова, любви Пшеницыной, «деликатности» Штольца и т. д.

Появляясь в отмеченных точках повествования, элементы «змеиного» комплекса сигнализируют о прохождении главным героем романа Ильей Ильичом Обломовым участков жизненного пути, приближающих его к гибели.

В определенные отношения со змеями в произведениях Гончарова вступают кошки, сохраняющие идущую от фольклорно-мифологической традиции связь с брачно-эротической сферой. Кот символизирует благополучную, наполненную, счастливую жизнь. Кошка агрессивна, властолюбива, изменчива и этими своими качествами сближается со змеей. В «Обрыве» одни и те же героини наделяются и «кошачьими», и «змеиными» чертами и определяющими их качествами являются непостоянство, хитрость, лживость (Вера, Марина).

1.1а. О «жалких словах»

С *ядом* связано ключевое для романа «Обломов» и всего творчества Гончарова слово *обломовщина*. Включенное в число средств, с помощью

которых Штольц пытается «отрезвить» своего друга, оно переадресуется Ильей Ильичом Захару, сразу же опознающему его как «жалкое».

Формула «жалкие слова» появляется в «Обломове» в нескольких эпизодах. Наиболее заметно ее присутствие в так называемых *патетических сценах*, в которых Илья Ильичу, несмотря на «риторическое» превосходство, не удается овладеть инициативой, доминировать в диалогах со своим слугой. Единственное, что может Обломов, – вызвать у Захара слезы, добиться кратковременного утверждения власти. Главное же, сам Обломов в результате испытывает воздействие своих же собственных слов, от них зависим.

Стремясь повлиять на слугу, испытывающего бессознательное преклонение перед всем, что носит имя Обломова, Илья Ильич всячески подчеркивает свою болезненность и неспособность переносить любые жизненные неудобства. Отсюда, по-видимому, одно из объяснений двойственного, амбивалентного характера воздействия «жалких слов»: обращенные к Захару, они фактически направлены на самого Обломова. И если Захар им неподвластен, то сам Илья Ильич оказывается перед ними беззащитен.

Связь обломовщины с ядом вполне определенно откликается в сюжете романа, в финале которого именно обломовщина названа в качестве причины гибели главного героя.

Одновременно обломовщина связана и с *огнем*. Примечательно, что при этом Гончаров обращается к библейской символике. Эпизод из Ветхого Завета (пир Вальтасара), с его прогностической семантикой, используется писателем для предсказания будущей жизни главного героя. Причем автор к библейскому сюжету добавляет один выразительный штрих: Илья Ильич как будто бы сам и подписывает себе смертный приговор.

В «Обломове» есть два эпизода, которые сближает совершаемое главным героем действие. О предмете своих текущих размышлений Илья Ильич в обоих случаях «сообщает» одним и тем же способом – «чертит пальцем по пыли». И если в первом случае Обломов напишет «новое» для него слово обломовщина, то во втором таким словом окажется имя героини – Ольга. Неслучайность данного противопоставления находит отражение в сюжете романа: Ольга Ильинская играет роль наиболее решительного борца с различными проявлениями обломовщины в главном герое.

В монологе Захара, в котором подводится своеобразный итог его разговора с Обломовым о *других*, «жалкие слова» связываются с «колюще-режущим» мотивом. В последовавшей за этим *тайной исповеди* Ильи Ильича перед самим собою данный мотив соединяется с «огненной» и «ядовитой» образностью, подпитывающей семантику «жалких слов». Этот же мотив связан с Ольгой и с исполняемой ею арией из «Нормы». Причем в том объяснении, которое дает Обломов, комментируя свое равнодушие к «Casta diva», явно просматривается логика, общая и для «жалких слов».

В более широком контексте комплекс отмеченных мотивов сближает «жалкие слова» с саркастическими (см. статью Гончарова «Милльон терзаний» (1872)).

В ряде эпизодов изображение Ильи Ильича строится с использованием мотивов, отсылающих к тексту «поэта-пророка», несмотря на то, что пророком он открыто нигде не называется. С учетом этого становится понятным «вручение» Обломову «жалких слов» и их связь с *огнем* и *ядом*. «Жалкие слова» сближаются с пророческими «жгущими», «жалящими» словами, а сам герой (по крайней мере, в отдельных сценах) «преображается» в пророка.

Однако Илья Ильич лишен главного качества змеи – «мудрости» и неизбежного ее спутника – «ядовитого» анализа. Напротив, неоднократно подчеркивается его «голубиная кротость». Поэтому его слово окажется «жалким», бессильным, неспособным быть адекватным ответом агрессии окружающего мира, жертвой которого Обломов, в конечном счете, и станет.

1.2. Собака и волк

Первым в романе, кто открыто уподобляется повествователем собаке, оказывается *земляк* заглавного героя Михай Андрееч Тарантьев. Поводом к этому служат манеры героя, особенности его взаимоотношений со знакомыми и сослуживцами, его система ценностей. Определяющими в характере Тарантьева являются корысть и алчность, которые реализуются и во взаимоотношениях с окружающими, и в гастрономической сфере.

Тарантьев на протяжении повествования не скупится на эпитеты. Именно он называет Захара *старым псом*, Обломова – *колодой, овечкой*, Штольца – *шельмой продувной*, Алексеева – *овцой*. Определения эти, как представляется, весьма значимы для понимания функции данных героев в сюжете.

«Собачьи» черты имеет и другой недоброжелатель Обломова – Иван Матвеевич Мухояров, доминантой образа которого также являются алчность, стремление к наживе. Отсюда и склонность героя к разного рода аферам, сулящим материальные блага, и большие познания в области гастрономии. При этом Мухояров не стремится к внешнему блеску. Небрежное отношение к одежде (и вообще к своему внешнему виду) является характерным признаком и других героев «Обломова», наделенных «собачьими» чертами, – Захара и Тарантьева. Даже Илья Ильич отчасти подвержен этой «болезни» во время приступов обломовщины. Однако только у Мухоярова это «отрефлексировано», подчинено определенной логике, продиктовано особыми соображениями, а не является результатом низкой культуры, как у Захара и Тарантьева.

Среди героев романа «Обломов», наделенных «собачьими» чертами, особое положение занимает Захар. Слуга Обломова едва ли не единственный герой Гончарова, открыто признающий свою «звериную», «собачью» природу. «Собачья» характеристика, которой дважды награждает себя Захар, появляется в связи с обманом, клеветой. Сравнение Захара с собакой в VII главе 1-й части подчеркивает, кроме того, неосознаваемое и неконтролируемое, «животное» чувство преданности не только к барину, но ко всему, что связано с его именем.

В эпизоде «расправы» Обломова над своим слугой (во время *патетической сцены*) уподобление Захара собаке подчеркивает его «пассивную», страдательную роль.

В близком смысловом контексте единственный раз в романе появляется сравнение Ильи Ильича с собакой как указание на готовность повиноваться, смирать свои желания, следуя воле возлюбленной. Неоднократно повторяющаяся в романе картина сидящей Ольги и пребывающего у ее ног Обломова выражает эту идею превосходства Ильинской и жертвенного служения ей героя.

С Захаром сопряжен еще один мотив, который в повествовании, казалось бы, не получает никакой открытой, явной реализации. Жалуясь на своего барина *дворне* у ворот, слуга Ильи Ильича наделяет себя чуть ли не инфернальными признаками, ассоциирующимися с враждебными «человеческому роду» существами. Своей самохарактеристикой, самооценкой Захар сблизается с другим героем Гончарова – Марком Волоховым, обладателем «литературного» псевдонима Секлетей **Бурдалахова** (= вурдалак), вполне соответствующего его образу жизни и «повадкам». С Захаром, так же как и с Волоховым, связаны одновременно и «собачьи» и «змеиные» мотивы.

Признанием Захар как будто бы разоблачает свою роль в судьбе Обломова. Очевидно, что в противостоянии с Ольгой за влияние на Илью Ильича побеждает именно Захар, с наибольшей полнотой олицетворяющий «обломовский» элемент. И эта победа определит будущую трагическую судьбу главного героя.

«Волчьими» чертами в «Обломове» наделены два персонажа, контрастно, почти автопародийно соотносенные друг с другом: первый гость Ильи Ильича, имеющий характерную «говорящую» фамилию – Волков, и друг главного героя Андрей Штольц.

Штольц занимает особое место среди героев, помеченных Гончаровым «звериным» знаком. Как и с Марком Волоховым, с ним сопряжены в романе и «собачьи», и «волчьи» мотивы. Однако в отличие от других героев «Обломова» Штольц будет включен в число персонажей, наделяемых животными чертами не повествователем, а героями романа.

В соответствии с такой же контрапунктной логикой связан с образом Штольца и гастрономический мотив: друг Ильи Ильича, подобно Тарантьеву и Мухоярову, очень разборчив в выборе блюд. Своей чрезмерной требовательностью к еде эти герои противопоставлены Обломову, который, несмотря на изысканный вкус, вполне способен ограничиваться и блюдами простой, «мещанской» кухни.

С Волковым сопряжен мотив одежды/переодевания, имеющий непосредственное отношение к теме трансформации, оборотничества – центральной в традиционных «волчьих» сюжетах. Далее этот мотив реализуется в связи с образом главного героя романа. Смена Обломовым халата на сюртук – знак произошедших в его жизни перемен, связанных с любовью к Ильинской; появление халата – свидетельство возвращения героя к «прежней» жизни.

С Волковым в роман входит и тема любви/влюбленности/страсти – ключевая не только для романа «Обломов», но и для всего творчества Гончарова. Цитируемый героем романс Н. Ф. Вителыро («Напрасно я забыть ее

стараясь...») «предсказывает» судьбы и «главного любовника» романа Илья Ильича Обломова, который «смертельно» (и не без оснований) боялся любви-страсти, и Штольца, персонажа, никаким «порывам» не подверженного и тем не менее ощутившего на себе всю грозную силу этого чувства.

Кроме того, этих столь разномасштабных и разновекторных героев – Волкова и Штольца – объединяет еще одна черта: оба они оказываются успешными не только в любви, но и в социальной сфере.

Если герой, наделенный «собачьими» чертами, обречен в любовном поединке на поражение, то «волк» всегда может рассчитывать на добычу.

«Волки» населяют и другие произведения Гончарова. Наиболее концентрированно «волчьи» мотивы присутствуют в последнем романе писателя «Обрыв» и связаны с Марком Волоховым – «вором», «соблазнителем», разрушителем патриархальной идиллии. В «Слугах старого века» (1888) «волк» выступает синонимом вора, «разбойника», который может похитить не только имущество, но и честь, супружеское спокойствие. «Алчность», «прожорливость» свойственна большинству «волков» Гончарова: именно она служит источником особой «волчьей» хватки, помогающей данным героям достигать успеха на любом поприще.

Несмотря на то, что и Захар, и Тарантьев, и Мухояров обладали отменным аппетитом, любили выпить и не прочь были поживиться за счет Обломова, Гончаров не наделяет их «волчьими» чертами: с «волком» Штольцем они конкурировать не способны. И если Захара слабым делает его бессознательное страстно-почтительное отношение к другу своего барина, похожее на то, которое он испытывает к самому Илье Ильичу, то Тарантьев и Мухояров просто не могут противостоять предприимчивости и силе Штольца.

Во второй главе «Гастрономическая семантика» анализируются образы и мотивы романа «Обломов», связанные с темой еды.

2.1. «Алкогольный» код

В X главе 4-й части «Обломова» читатель узнает, что Илья Ильич умер, недолго прожив после повторного апоплексического удара. И в ряду «медицинских» причин, спровоцировавших первый удар и ускоривших гибель Обломова, пристрастие героя к алкоголю оказывается едва ли не главной.

Осознавая свое положение на Выборгской стороне, Илья Ильич как будто пытается спрятаться от реальности, уйти в мир спасительных иллюзий. И в определенной мере ему это удается. Характерно, что в сниженном отражении тот же мотив пьянства с *горя* возникает в финале романа в объяснении Захара своего невоздержания.

Косвенной виновницей этой «болезненной слабости» заглавного героя является Агафья Матвеевна Пшеницына. Знаменательно, что ее близкое знакомство с Обломовым начинается с двух чашек кофе, *огромного куска пирога* и рюмки *водки*, настоянной на *смородинном листу* (ср. фамилию героини). Лишив Пшеницыну традиционно женского способа привлечь внимание – кокетства, Гончаров наделяет ее другим – не менее эффективным.

Во многих произведениях писателя центральную роль в сближении героев играет «гастрономический» мотив. Наиболее близкий к «Обломову»

пример содержится в «Обрыве», герой которого Леонтий Козлов, по словам его жены Ульяны, влюбился в нее, съев три тарелки ее рисовой каши. «Негативная» версия данного мотива присутствует в первом романе писателя «Обыкновенная история». Демонстративный отказ Наденьки Любецкой разделить с Александром Адуевым чашку молока – указание не только на ее доминирование в отношениях с героем. Это еще, учитывая объединяющую Любецкую и графа Платона простоквашу, намек на будущее развитие сюжета. В повести «Лихая болезнь» (1838) «гастрономический» мотив был наделен мистической, магической семантикой, а «еда» выступала в роли приворотного средства.

Именно любовь Обломова к смородиновой водке сделала возможным столь успешное осуществление Тарантьевым и Мухояровым мошеннической проделки и поставила Илью Ильича в крайне затруднительное материальное положение. И несмотря на явное, принципиальное отличие между Агафьей Матвеевной и ее *братцем*, в том, что касается средств, с помощью которых они достигают своей цели, герои не только похожи, но и действуют едва ли не сообща. Домашняя водка Пшеницыной делает Обломова уязвимым, беззащитным и выступает инструментом манипуляции.

В начале 2-й части романа (еще до развития основных событий) в ответ на упреки Штольца Илья Ильич сам назовет своих главных врагов, свои «больные места» – отсутствие силы и воли. Недостаток у Обломова этих качеств во многом объясняет сюжетное поведение героя, становится определяющим в его отношениях с окружающими. В рукописи романа в данном фрагменте Илья Ильич, обращаясь к Штольцу, сравнивал себя с пьяницей, эксплицируя связь этого определения-«диагноза» с отмеченными свойствами: «Я теперь как пьяница: у меня пока еще нет ни воли, ни силы. Дай мне своей воли и ума – и веди меня как знаешь...».

К образам и метафорам с «алкогольной» семантикой Гончаров нередко обращается при описании любви-страсти. Оказавшись во власти чувства, герой утрачивает часть своего «я», теряет волю, «обессилевает».

Но этому парадоксально «подыгрывает» и другое. И связанный с образом Обломова мотив *воли* мы находим уже на первой странице романа. Этот мотив, во всем его полисемическом многообразии, неоднократно возникает в повествовании, подчеркивая нежелание Ильи Ильича как бы то ни было ограничивать свою волю, стеснять свое «я». Независимость, свобода Обломова оказались одной из главных причин того впечатления, которое Илья Ильич произвел на Пшеницыну.

Знаменательно, что пьяницами в романе названа еще одна категория героев, явно в сюжете не представленная. Это – сочинители. Они наделяются Захаром едва ли не божественными полномочиями: «...это такие господа, которые сами выдумывают, что им понадобится». Такая как будто бы «несерьезная» характеристика Захара позволяет включить в данную группу заглавного героя романа, который преимущественно и занимался тем, что «всего продолжал чертить узор собственной жизни», «жить в созданном им мире».

2.2. «Пейте квас: не отравитесь...»

В «Обломове» квас присутствует только в наименее динамичной 1-й части романа и связывается с образом жизни главного героя, названным Штольцем обломовиной, то есть сопровождает Илью Ильича до момента его вхождения в основное повествование.

Пристрастие главного героя к квасу, приобретенное еще, вероятно, в Обломовке, не просто патриархальная черта, «мещанская» привычка. Явно провинциальные гастрономические предпочтения Ильи Ильича, соседствующие с изысканным вкусом, который он обнаружит при подготовке к своим именинам, можно рассматривать как своего рода жест, демонстрирующий независимость, самостоятельность героя, отказывающегося следовать внешним, не соответствующим его желаниям и ограничивающим волю, принятым в обществе правилам и установкам.

Квас трижды возникает в эпизоде разговора Обломова и Захара о *других* (в первой *патетической сцене*), причем в отмеченные, «кульминационные» моменты, иронически их «остраивая».

Последнее появление этого столь любимого Обломовым напитка – финальные строки 1-й части. После пробуждения ото сна Илья Ильич потребует у Захара квас, который необходим герою в качестве своеобразного лекарства для того, чтобы возвратиться в свое обычное, «исходное» состояние после растревожившего его воображение сновидения, вкусив соответствующей патриархальной пищи.

Исчезнув в конце 1-й части романа, «квасной» мотив возникает снова в I главе 4-й части вместе с появлением в повествовании Пшеницыной. *Кислая капуста* Агафьи Матвеевны – закуска далеко не аристократическая – продолжает «кислую» тему, которая возникает в романе в связи с квасом. Дальнейшее ее развитие мы наблюдаем в VI главе 4-й части. *Кислое вино*, которым угощает Обломов Штольца, – признак скатывания Ильи Ильича в «мещанство» и бедность. В IX главе на смену *кислому вину* приходит *кисель* – блюдо простое и как будто бы не соответствующее материальному достатку Обломова, теперь уже имеющего возможность не ограничивать свои гастрономические желания. *Кисель* служит сигналом приближающейся смерти, которая в скором времени и настигает героя.

Кисель как метафора *хилого* и *вялого* человека (В. И. Даль) актуализирует тему слабости. Особенно ярко она обнаруживает себя в финале романа, в эпизоде, где показаны ухищрения, к которым прибегает Агафья Матвеевна для того, чтобы сделать возможным соблюдение предписанной Илье Ильичу диеты.

Вообще, лексемы, образованные от глагола «киснуть», Гончаров использует в своих произведениях для выражения идеи застоя, «ухудшения». Мотив скисания присутствует уже в первом романе писателя «Обыкновенная история» – в любовном сюжете Адуев–Любецкая–Новинский. С одной стороны, простокваша (скисшее молоко) ассоциируется с графом Новинским, заменившим Александра в сердце Наденьки. С другой стороны, скисание молока, нарушение его цельности, «природности» актуализирует идею изменения отношений между Адуевым и Любецкой. Кроме того, оно подчеркивает перемены, происходящие с самой героиней. Иронически

двусмысленно звучит определение, которое Александр получит от Суркова после того, как одержит над ним любовную победу, – *молокосос*.

Молоко в произведениях Гончарова служит приметой обетованной земли, дикого, не тронутого цивилизацией «идиллического» мира. Характерно, что Гончаров заимствует ключевой мотив для любовного сюжета своего первого романа у Н. М. Карамзина. стакан молока из «Бедной Лизы» – произведения, открыто включенного в литературный фон «Обыкновенной истории», – трансформировавшись в *чашку молока* в романе Гончарова, служит намеком на последовавшее в скором времени расставание героев.

Скисанию как процессу «ухудшения», застоя у Гончарова противопоставлено *брожение* – интенсивная перестройка, пере-рождение, вызревание нового на основе существующего. Жизнь требует постоянного движения, обновления. Для того чтобы произошло оживление, восстановление угасших, изможденных непрерывным движением сил, необходимо привнесение молекул обновления.

В «Обломове» возможность возрождения Ильи Ильича связывается *бродягой* (как называет его Тарантьев) Штольцем с пробуждением в душе главного героя воспоминаний, прежних чувств, вызванных его любовью-страстью к Ольге. Самого Илью Ильича, испытавшего уже «преимущества» чуждого ему образа жизни – обожженного страстью и отравленного сомнениями, – подобная перспектива пугает. Жизнь с ее непрерывным движением и обновлением глубоко враждебна Обломову, однако остановка в движении, развитии ведет к «закисанию», застою, упадку, что концовка романа и демонстрирует.

2.3. «Донести сосуд жизни до последнего дня...»

Для означивания изменений, которые происходят в жизни героев, Гончаров нередко использует «гончарную» символику, метонимически соотношенную со сферой гастрономии.

В последней главе 3-й части романа «Обломов», изображающей *горячку* главного героя после расставания с Ольгой Ильинской, Захар разобьет чашку. И это будет напрямую увязано с тем, что происходит с Ильей Ильичом, его состоянием: разбитая Захаром чашка символизирует «разбитую» жизнь Обломова.

В «Обыкновенной истории» параллель женщина–ваза (изделие из фарфора) связана с возлюбленными Александра Адуева Наденькой Любецкой и Юлией Тафаевой. В обоих случаях появление данного мотива предсказывает негативные изменения, которые должны произойти в жизни героини.

Умение Анисы управляться с посудой, акцентированное в романе «Обломов», оказывается «созвучно» ее способности выпутываться самой и спасать Захара от проявлений барского гнева, от сцен, сопровождаемых «жалкими словами». И этим своим качеством она сближается с Агафьей Матвеевной (в романе неоднократно подчеркивается их взаимная привязанность на основе умения вести хозяйство), которая, несмотря на свою «простоту», сумела довольно быстро добиться расположения Обломова.

Применительно к локусу *гениальной хозяйки* Пшеницыной *разбитая посуда* единственный раз появляется в момент возникновения *грозной нужды* для Ильи Ильича, то есть напрямую связывается с темой убытка, ущерба. Здесь же возникает и мотив пустоты, по своей семантике близкий к мотиву разбивания, разрушения. Показательны попытки главного героя не только защититься от «яда», но и обезопасить себя от угрожающей, опасной пустоты.

В финале романа разбивание *старой, негодной посуды* в доме Пшеницыной, помимо «бытовой» причины – препятствия неурочному сну Ильи Ильича (разбитого апоплексическим ударом), – по-видимому, в соответствии с известными народными представлениями, направлено и на то, чтобы «испугать, отогнать болезнь» от главного героя, помешать ему оказаться во власти «смертельной тишины».

Мотив разрушения, порчи вещей постоянно сопутствует Захару, что можно интерпретировать как напоминание о конечном распаде, смерти. Неслучайно при изображении общей запущенности в квартире Ильи Ильича более мрачную атмосферу создает упоминание о разрушениях, источником которых выступает слуга главного героя. Этот же мотив связывается с темой переезда. В рукописи романа переселение Обломова на новую квартиру было окружено прямыми «танатологическими» ассоциациями, Выборгская же сторона представала едва ли не как потусторонний, загробный мир. Отсюда, вероятно, одна из причин страха героя перед перспективой смены квартиры.

Разбитые сосуды в «Обломове» – это также отсылка к словам Ильи Ильича о нецельности, «раздробленности» представителей современного ему общества, *живых мертвецов*, являющейся следствием «неподлинности», бессмысленности их существования.

В разговоре с журналистом Пенкиным во II главе 1-й части романа Илья Ильич уподобит *испорченного человека негодному сосуду*, тем самым актуализировав восходящее к Библии противопоставление души человека и ее телесной оболочки. Этот же мотив присутствует в кругозоре Штольца. Так на первый взгляд абсолютно противоположные, противопоставленные в сюжете герои проявляют удивительное единодушие. За этим совпадением можно увидеть фигуру самого Гончарова, заставившего Штольца в финале романа говорить о хрустальной, прозрачной душе и честном, верном сердце Обломова, сумевшего в значительной мере осуществить «программу» своего друга – «донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно...».

Используя образ разбитого сосуда для того, чтобы подчеркнуть происходящие в жизни героев изменения, Гончаров обращается и к фольклорно-этнографическим представлениям, согласно которым о наполненной, счастливой жизни говорят как о «полной чаше».

Полнотой, «наполненностью» характеризуются положительные моменты жизни Ильи Ильича, в то время как «пустоту» главный герой чувствует тогда, когда ощущает бессмысленность и бесцельность своего существования. Зримым воплощением разных этапов жизни Обломова становится его чернильница.

Жизнь Ильи Ильича, очевидную нехватку содержания в которой он сам постоянно ощущает (особенно в последний, «выборгский» период), предстает как реализация слов Захара, обращенных к барину еще в самом начале романа: «Чтоб тебе издохнуть, леший этакой! <...> Чтоб тебе пусто было!...».

Идея противопоставления, противостояния души и тела присутствует у Гончарова во всех трех романах и играет в сюжете существенную роль. Так, в отличие от Петра Ивановича, который настаивает на разумном соотношении двух этих начал («В любви равно участвуют и душа и тело; в противном случае любовь неполна: мы не духи и не звери»), Александр обращает свое внимание как будто исключительно на душу («Пустые, ничтожные люди, животные! Одно тело наводит на них заботу, а души и в помине нет!»), однако в истории с Лизой в полной мере ощущает свою зависимость от телесного и невозможность ему противиться. В близкой ситуации окажется и Райский, который сможет устоять перед влечением к Марфеньке, но легко поддастся чарам Ульяны.

В черновых материалах романа «Обломов» было намечено явное, даже несколько утрированное, противопоставление внутреннего и внешнего, души и тела в образе главного героя. В окончательном печатном тексте оно будет снято, напротив, герои Гончарова обнаружат «совпадение», своеобразное «тождество» внешнего и внутреннего. Так, чувствительная, отзывчивая, податливая душа Обломова будет помещена в *слишком изнеженное для мужчины* тело. Изображая Тарантьева, Мухоморова, Штольца, писатель обратит внимание на отражение внутреннего мира героя в его облике.

В третьей главе «Элементы антропоники» имена центральных контрастных женских персонажей рассматриваются в контексте антропоники романа и всего гончаровского творчества.

3.1. Ольга Сергеевна Ильинская в кругу героев И. А. Гончарова

В рукописи 1-й части «Обломова» фигурировала *Вера Павловна*. Позже ее место в повествовании заняла *Ольга Павловна*, затем *Ольга Сергеевна Ильинская*. А *Верой* писатель назовет главную героиню своего последнего романа «Обрыв» (задуманного, по словам Гончарова, одновременно с «Обломовым»), другой главный герой которого Борис Райский «унаследует» отчество *Павлович*.

Имя *Ольга*, в отличие от имени другой центральной героини «Обломова» *Агафьи*, в художественном мире Гончарова уникально: в других произведениях писателя оно не встречается.

В более поздних текстах Гончаров упоминает двух соименниц своей героини, которые могут восприниматься в качестве ее прототипов: Ольгу Ларину («Лучше поздно, чем никогда» (1879)) и равноапостольную княгиню Ольгу («В университете» (1887)).

Страстность, с которой Ильинская посвятила жизнь достижению своих целей, чрезмерная рациональность и расчетливость, казалось бы, не свойственные женщинам, и окружающий Ольгу «огненный» ореол – все это сближает героиню «Обломова» с княгиней Ольгой.

Особым образом преломленный сюжет обретения русской княгиней «правильной» веры можно обнаружить и в судьбе Ильинской. Отказ от

язычества и крещение в православие применительно к героине Гончарова воплощается в отказе Обломову, носящему имя ветхозаветного пророка, и в выборе в мужья героя с открыто апостольским, новозаветным именем Андрей.

В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров проведет параллель между героинями романа «Евгений Онегин» и своими Наденькой Любецкой из «Обыкновенной истории» и Ольгой Ильинской из «Обломова». Скрытое сопоставление *Наденьки-Ольги* (по Гончарову, это одно лицо) позволило исследователям сравнивать героиню «Обломова» с пушкинской Татьяной. Однако, на наш взгляд, более существенно то, что объединяет героинь Гончарова с Ольгой Лариной, которая, по знаменательному высказыванию писателя в упомянутой статье, «...вмиг забыла своего поэта и вышла замуж за улана». И Наденька Любецкая, и Ольга Ильинская расстаются с первым возлюбленным ради другого, более «блестящего».

Патроним Ильинской – *Сергеевна* – Гончаров до романа «Обломов» использовал лишь однажды: в «Письмах столичного друга к провинциальной жениху» (1848) камердинер главного героя *Сергей ядовито-почтительной* улыбой заставляет хозяина *краснеть* за своего друга.

Сергеи в творчестве писателя – персонажи преимущественно эпизодические, в большинстве случаев облеченные властью и если не прямо отрицательные, то с довольно двусмысленной репутацией. Особенно это характерно для героев, для которых *Сергей* служит личным именем. (Исключения составляют лишь исторические лица, упоминаемые писателем в автобиографических произведениях – «В университете», «На родине», а также во «Фрегате “Паллада”».)

Выбрав для Ольги Ильинской отчество *Сергеевна*, романист как бы подготавливал почву для разрушения идиллии, которая просматривалась в зарождающихся отношениях героев.

Фамилия Ольги Сергеевны образована от имени Обломова, тем самым «намекая» на существующую между героями связь. Вопреки распространенному мнению, мы считаем, что это не следует рассматривать как указание на изначальную предназначенность героини Илье Ильичу. Объяснение существующей между героями связи правомернее искать в иной плоскости, в семантике имени Обломова *Илья*.

В. Я. Звизняцковский отмечает ключевые мотивы, сопряженные с библейским пророком Ильей в Ветхом Завете, – «*дождь* (вода) и *огонь* (пламя, “попымя”)⁶». Оба этих мотива связаны как с Обломовым, так и с Ольгой Ильинской. Имя Обломова, отразившееся в фамилии героини, сообщает героям их двойственную природу, обусловленную одновременной причастностью к двум противоположным стихиям.

Значительное преобладание в образе Ильинской «огненного» начала – следствие взаимодействия ее фамилии с именем Ольга, также содержащим «огненные» коннотации. Возвращение в «женскую» сферу после

⁶ И. А. Гончаров. Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск, 2003. – С. 87.

непродолжительных попыток реализовать себя в не свойственной роли Пигмалиона при Галатее-Обломове предопределяется ее «водной» (что акцентировано в романе), «женственной», фамилией.

3.2. Агафья Матвеевна Пшеницына: имя, прототипы, функция

Имя Пшеницыной – Агафья – носят героини еще трех произведений Гончарова. Впервые оно появляется в романе «Обыкновенная история»; его обладательница связана здесь со сферой сакрального, с водой – стихией, противоположной огню, и, кроме того, является носителем особого рода знаний, к которым прибегла мать Александра Адуева для того, чтобы излечить сына от приобретенной им в Петербурге болезни, *разочарования*.

В «Обломове» функция Агафьи Матвеевны, по сути, та же. Героине удается примирить Обломова с его прошлым, излечить от любви-болезни и даже заменить Ольгу в его сердце. Не случайным представляется обращение Гончарова к именам, связанным по принципу контраста: «огненность» Ольги уравновешивается, нейтрализуется «защитницей от огня» Агафьей.

С Агафьей у Гончарова связан мотив соединения/разделения. В романе «Обрыв» (героиня которого неизбежно ассоциируется со своей тезкой Пшеницыной) писатель дает это имя персонажу, выполняющему открыто медиативную, посредническую функцию. В «Обломове» Гончаров связывает с Агафьей Матвеевной негативный вариант данного мотива: Пшеницына окажется препятствием, «стеной», преодолеть которую (единственный раз в романе!) Штольц, вынужденный отступить от своего друга и оставить его «погибать», будет не в состоянии. В этом контексте имя героини (одна из семантических составляющих которого – защитница) напрямую соотносено с ее функцией в романе. С одной стороны, Пшеницына для Обломова будет играть роль *доброй волшебницы*, ограждающей его от внешнего мира, оберегающей покой, к которому Илья Ильич так стремился. С другой – дом Агафьи Матвеевны окажется для героя своеобразной *теплицей*, а чрезмерная опека его хозяйки приведет Обломова к гибели. (Ср. в «Обрыве» Агафья сопровождает Марфеньку при ее посещениях кладбища.)

Обращает на себя внимание «хлебная», «злаковая» основа фамилии героини, ассоциативно перекликающаяся с другим «злаком» – ячменем, болезненным воспалением глаз, мучающим Обломова. *Ячень* в романе играет роль своего рода индикатора, фиксирующего этапы жизни главного героя: избавление от ячменей символизирует разрушение границы между героем и миром, возвращение – погружение в обломовщину. Кроме того, *ячень* отсылает к «алкогольной» теме.

Мотив разделения, разъединения роднит Пшеницыну с очевидными ее литературными прототипами – героинями Н. В. Гоголя: Агафьей Тихоновной из «Женитьбы» и Агафьей Федосеевной из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Кроме того, Гончаров наделяет Пшеницыну отчеством, совпадающим с отчеством его матери Авдотьи Матвеевны, что, по нашему мнению, не следует рассматривать как однозначное указание на «положительность» героини.

Посредством патронима она оказывается связана с *братцем* – едва ли не главным недоброжелателем Обломова.

Всех обладателей имени Матвей у Гончарова объединяет некоторая «приземленность», материальность, проявляющаяся зачастую и в гастрономической плоскости. Вероятно, на семантику данного имени у Гончарова оказали влияние и новозаветные коннотации: Матфей – сборщик податей, «мытарь», что более явно просматривается в «Слугах старого века».

В письмах романиста неоднократно можно встретить упоминание имени «второй» главной героини «Обломова». Учитывая основную, постоянно акцентируемую в романе, функцию Пшеницыной – умение вести хозяйство, проявлять заботу и внимание, – наиболее вероятно, что именно эти качества имел в виду писатель, когда называл ее именем знакомых женщин, принимавших в его жизни активное участие. Однако это, тем не менее, не исключает негативных коннотаций, связанных с обладательницей данного антропонима в романе, косвенным подтверждением чему служат непростые отношения, которые складывались у Гончарова с его *Агафьями Матвеевнами*, в том числе даже с его верной помощницей и другом С. А. Никитенко.

Агафья Матвеевна Пшеницына – одна из немногих героинь Гончарова, которая дважды выходит замуж. И эти перемены в жизни отразились на ее характере. Именно от мужа, как можно предполагать, у Пшеницыной робость и «забитость». Мужьяровские черты, роднящие ее с *братцем*, проявляются у героини в ситуации оболщания Обломова. И только после смерти Ильи Ильича происходит своего рода перерождение, «преображение» Агафьи Матвеевны.

В результате в фамилии Пшеницына на первый план выдвигается прозаичность, которая «закодирована», с одной стороны, в девичьей фамилии героини – квинтэссенции материальности (мухояр, согласно словарю В. И. Даля, – материя), а с другой – в ее отчестве, также небезразличном к быту. Эти «совпадения», как можно предполагать, и держали Агафью Матвеевну в плену материального, не позволяя вырваться имеющемуся у нее духовному потенциалу, вплоть до самого второго замужества.

Особенно важен для понимания образа героини мотив «жертвы», «жертвенности» (который связан в романе с темой любви), актуализируемый новозаветным подтекстом фамилии Пшеницына. Ведь именно приносимые Агафьей Матвеевной *бескорыстные жертвы* отвлекли ее от ежедневной погруженности в быт, придали цель и смысл ее жизни. Однако, несмотря на испытываемые героиней чувства к Обломову, в конечном счете, именно ее любви обязан герой своей скорой смертью. В этом отношении как своеобразную квинтэссенцию «негативности», воплощенную в образе Агафьи Матвеевны, можно рассматривать уподобление Пшеницыной Милитрисе Кирбитьевне, героине, имеющей устойчивую отрицательную репутацию.

В **Заключении** подводятся краткие итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Ларин С. А. *Historia morbi* : «Обломов» И. А. Гончарова – «Черный монах» А. П. Чехова / С. А. Ларин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. – 2004. – № 2. – С. 36–39.
2. Ларин С. А. Метафора болезни в романе И. А. Гончарова «Обломов» / С. А. Ларин // Русская филология. 16 : сборник научных работ молодых филологов. – Тарту, 2005. – С. 26–30.
3. Ларин С. А. Агафья Матвеевна Пшеницына : имя, прототипы, функция / С. А. Ларин // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах : материалы Международной научной конференции / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, ВолГУ. – Волгоград, 2006. – С. 408–413.
4. Ларин С. А. Алкогольный код в романе И. А. Гончарова «Обломов» / С. А. Ларин // Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы Международной научной конференции : в 2 частях. – Ульяновск, 2006. – Часть I. – С. 365–371.
5. Ларин С. А. «Змеиный» комплекс в романе И. А. Гончарова «Обломов» / С. А. Ларин // Русская филология. 17 : сборник научных работ молодых филологов. – Тарту, 2006. – С. 43–48.
6. Ларин С. А. О генезисе образа главной героини романа И. А. Гончарова «Обломов» (текстологический аспект) / С. А. Ларин // Лесная текстология : труды III летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. – СПб., 2006. – С. 101–107.
7. Ларин С. А. «Скажи, ядовитая змея, уязви, ужаль...» (к семантике «жалких слов» в «Обломове» И. А. Гончарова) / С. А. Ларин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2006. – № 2, ч. 2. – С. 326–334.
8. Ларин С. А. «Волчьи» мотивы в романе И. А. Гончарова «Обломов» / С. А. Ларин // Языковая семантика и образ мира : материалы Международной научной конференции : в 2 частях. – Казань, 2008. – Часть 1. – С. 208–211.

Статьи № 1 и 7 опубликованы в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов ВАК РФ.

Подписано в печать 21.10.08. Формат 60×84 2/3 к. Усл. печ. л. 1.4.
Тираж 100 экз. Заказ 1967

Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3.

10 =